

тогда как почти все константинопольские рукописи шли в Москву или подмосковные монастыри, подавляющее большинство афонских рукописей, минуя Москву, поступало в монастыри новгородские и тверские. Понять причины, которые обусловили подобное разделение потока славяно-русских рукописей, — это значит понять нечто большее, чем простую склонность московских книжников к Царьграду, а новгородских и тверских — к Афону. Видимо, ориентация Москвы на Константинополь получилась естественно, поскольку великие московские князья, стремившиеся взять на себя руководящую роль в политической и культурной жизни всей северо-восточной Руси, в международных отношениях логикой вещей вынуждены были искать и поддерживать контакты с аналогичными, главными, политическими и культурными центрами. Да иначе и быть не могло, потому что как средоточие церковной жизни «всая Руси» Москва должна была поддерживать постоянные отношения именно с Константинополем: здесь жил патриарх, которому подчинялись московские митрополиты, и здесь русская церковь по инициативе тех же митрополитов старалась завести свои колонии, которые бы в случае нужды служили своего рода дипломатическими представительствами. Так оно в действительности и было. Новгороду же и Твери, все более отодвигавшимся на второй план, приходилось поэтому направлять своих послов, ходатаев и даже просто паломников на территории, куда московская церковная и княжеская власть либо еще не успела проникнуть, либо где по меньшей мере она еще не успела укрепиться. Не случайно посылка и привоз рукописей с Афона в Новгород и Тверь начинается несколько позже, чем посылка рукописей из Царьграда в Москву.

Но эта закономерность, имеющая исторический интерес, теряет всякое значение, как только мы обращаемся к художественной стороне памятников. Ни константинопольские рукописи, поступавшие в Москву, ни афонские рукописи, поступавшие в Новгород и Тверь, не имеют никаких отличий, которые бы свидетельствовали, что Москва получила преимущество перед Новгородом и Тверью, либо, наоборот, Новгород и Тверь выиграли в полученных результатах сравнительно с Москвой. Те и другие рукописи в общем одинаковы, поскольку они создавались в одинаковой монастырской среде, а нередко одними и теми же писцами, жившими попеременно то в Константинополе, то на Афоне, как Евсевий-Ефрем. Поэтому все поступавшие на Русь с Востока славяно-русские рукописи конца XIV—начала XV в. мы имеем право рассматривать как явление общее, целостное, не расчленяя эту массу памятников на областные группы.

Несмотря на то, что влияние южнославянского книжного искусства осуществлялось параллельно с помощью сербских и болгарских памятников и русских списков с них, роль сербских была определяющей. Это несомненно зависело от более высокого уровня сербской культуры. Когда в афонских монастырях сосредоточились кадры сербских и болгарских книжников, то сербские переводчики и писцы сразу взяли инициативу в свои руки. В конечном счете подавляющая масса рукописных книг, направлявшихся сюда на Русь в оригиналах и списках, оказалась по происхождению сербской.⁴² Средоточием сербской письменности на Афоне был Хиландар — главный сербский монастырь, основанный в конце

⁴² Следует, однако, иметь в виду, что рукописи сербского происхождения по изводу и правописанию часто оказываются болгарскими. О причинах этого явления см.: М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур (русские памятники письменности на юге славянства). — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 13.